

ТАЛЛИНСКИЙ ПОЛИТЕХНИК

ОРГАН ПАРТКОМА, РЕКТОРАТА, КОМИТЕТА КОМСОМОЛА И ПРОФКОМА ТПИ

№ 16 (1165)

Выходит с апреля 1949 г.

Пятница, 17 мая 1983 г.

Цена 2 коп.

ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ НЕМЕРКНУЩИЙ СВЕТ

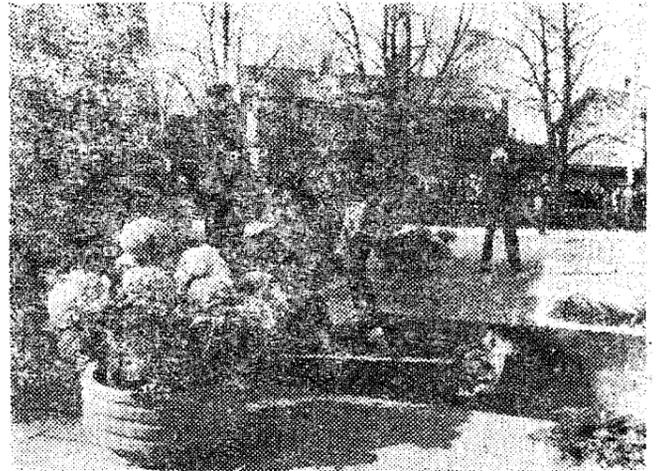
Ветераны — живая биография нашей страны. Они были ударниками первых пятилеток, бойцами Великой Отечественной войны, героями послевоенного возрождения. Это люди яркой завидной судьбы. Каждый с честью выполнил свой долг перед страной, перед партией, перед историей

После колоссального напряжения военных лет фронтовикам и отдохнуть-то не пришлось: они снова оказались на фронте созидания. Поседевшие, но не стареющие душой ветераны нашего института выполняют самую тяжелую, но и самую благородную работу — обучают и воспитывают славную студенческую молодежь. Конечно, пережитое на войне еще долго давало себя знать. Но нечужды им холодные окопы и пыльные фронтовые дороги, слышался ляг танковых гусениц и вой пикировщиков. И думали об одном: «Как долго будут сниться нам страшные сны? И дождемся ли мы этого чуда, когда нас отпустят с войны?». Время залечило наши раны, смягчило душевную боль.

Пусть не так уж сердце бьется,
Но ты к покою не привык,
Солдат солдатом остается.
— Как поживаешь, фронтовик?

Сегодня у самых молодых участников войны седые головы. Все мы уволились в запас или в отставку. Однако быть в отставке не значит быть не у дел. У нас, ветеранов, есть священный долг перед нашими боевыми друзьями, с которыми шагали в одном строю, делили последний сухарь. На их могилах мы клялись растить и воспитывать новые поколения славных советских патриотов, стойких и умелых защитников. И эту клятву мы выполняем. Так пусть же день Победы будет для всех нас праздником мира, солидарности, радости и счастья.

Под мирным небом родились и выросли наши дети и внуки. Но подвиг их отцов и дедов, завоевавших победу, их славные трудовые дела по-прежнему остаются вдохновляющим примером для молодежи, для студентов. Пожар в нашем доме мы потушили своей кровью, кровью фронтовиков.

Мы защищали свою землю, каждый метр, который на протяжении всей истории был полит потом и кровью наших отцов, дедов, прадедов. Вечен смертен в людях подвиг наш. Так пусть же день Победы

будет для всех нас праздником мира, солидарности, радости, счастья.

В. Козлов
Герой Советского Союза
Фото Сергея Стороженя,
ДИ-27.

(Окончание Начало в № 8, 14.)

СОРОКОВЫЕ, РОКОВЫЕ ...

ВОСПОМИНАНИЯ КОМАНДИРА ОТДЕЛЕНИЯ АВТОМАТЧИКОВ.

Передний край, передовая, по-солдатски. — «передок»! Можно ли, не побывав на нем, понять, что значит он для солдата? Думается, нельзя ощутить его всем существом своим, сознанием, даже если читаешь самую лучшую книгу о войне, смотришь самый лучший фильм про войну. Нельзя понять потому, что любое изображение переднего края художественными приемами не может дать эффекта присутствия, причастности твоей к тому, что там происходило, представление о внутреннем состоянии и чувствах солдат переднего края. Разве можно, например, почувствовать, как пахнет воронка от только что рядом с тобой разорвавшегося снаряда или мины, если ты не был рядом с этой воронкой? Разве можно понять удивление и счастье от того, что обнаружилаешь полу своей шинели пробитой: много рваных маленьких дырок, а сам живой и даже не задет ни одним осколком! Одно дело — смотреть в кресле на экранную кровь на экранном снегу, совсем другое — видеть и чувствовать запах настоящей, горячей, человеческой крови на настоящем сугробе; видеть как унесли того, чья это кровь, как он стонал или покрывался смертельной бледностью. Одно дело — наблюдать на экране, как ненастоящие бойцы поднимаются в ненастоящую атаку, стреляя холостыми патронами и рядом с ними картинно встают султаны взрывов. И совсем другое — быть в цепи самому, ощущать свой автомат, как живое существо. И уж совсем нельзя представить за книгой или перед экраном, как из твоей руки, после слабенького, поч-

ти неощутимого удара фонтанчиком бьет твоя собственная кровь, заливая приклад автомата и полу шинели... Говорят, человек ко всему привыкает. Возможно, но к переднему краю привыкнуть нельзя было. К нему можно было только приноровиться (в лучшем смысле этого слова), приноровиться так, чтобы выполнять свою солдатскую работу, тяжелую, кровавую. А работа эта — убивать и не быть самому убитым противоречит самой человеческой сущности. И потому нельзя было привыкнуть равнодушно смотреть на трупы, разорванные на части человеческие тела, искореженную технику, горящие дома, леса, поля. Но среди всего этого ужаса нужно было и воевать, и пребывать, и еще стараться воевать хорошо.

И мы принаравливались. Очевидно, организм вводил в действие такие резервы физических и моральных сил, о которых мы в обычной жизни и не подозреваем. В медицинской статистике по этому поводу есть любопытные данные. Во время войны (особенно в передовых частях) резко сократилось количество простудных, желудочных и прочих хронических заболеваний. Могу подтвердить — до 18 лет был я хлипким здоровьем, что ни год — по несколько раз грипп или ангина. За четыре года войны, из коих под крышей провел не больше полутода — ни разу не простудился, болел только цингой.

Бригада наша всю войну была в составе действующей

армии, а непосредственно в активных боевых действиях, в наступлении в марте—апреле 42-го и с июня 44-го по 11 мая 45-го. О времени этом остались у меня в памяти отрывочные, но очень яркие воспоминания. Отдельные эпизоды яркие настолько, что будь художником, мог бы изобразить на полотне. Особенно самый первый — раннюю весну сорок второго. Наверное потому, что это первое боевое крещение.

В середине марта сорок второго снялись мы по тревоге с обжитого леса под Лодейным Подем и после трудного похода сменили на передовой часть, занимавшую оборону на левом берегу Свири. Коварная эта штука — оборона в лесу. Сплошной линии нет, отдельные опорные пункты, между ними нейтралка, нашингованная с обеих сторон минами, колючкой, спиральюми Бруно, пристреленная и простреливаемая насквозь. На нашем участке между нами и вражескими окопами — десятки метров, кое-где — на бросок гранаты. Артиллерия поэтому беспокоила нас мало. Опорный пункт — система окопов, круговая оборона, чуткий, вполглаза, сон в холодном сырмом блиндаже, дежурство в окопах. Активных действий не вели — днем все замирало, будто и в живых никого. Стоило, однако, кому-нибудь погромче заговорить, забренчать котелком или затвором, стоило за полкилометра от нас в тылу заржать лошади, что подвозила боеприпасы или полумерзлый обед — поднималась такая шумная стрельба, хоть уши затыкай:

высокие длинные автоматные очереди, басовитые станкочники, минометы — в общем полный оркестр. Для нас в окопах это было почти безвредно, больше доставалось ребятам в близком тылу, где укрытий было поменьше: связным, поварам, ездовым. Мы, автоматчики научились «выбивать» автоматами чечетку. Так и слышу до сих пор по ночам этот ритм. Дважды или трижды побывал я со своим отделением в боевом охранении — системе выдвинутых далеко вперед окопах на нейтралке. Задача — наблюдать и докладывать о всех, самых незначительных изменениях у противника, себя не обнаруживая.

Такая сравнительно спокойная жизнь продолжалась неделю. 11 апреля пошли мы в наступление. Оно запомнилось мне как непрерывное, и днем, и ночью движение по полю в глубоком снегу. Ночью снег покрывался твердой коркой, и для того, чтобы двигаться, приходилось пробивать ее прикладом автомата. Днем снег насквозь пропитывался водой. В короткие минуты затишья снимали мы насквозь раскисшие ботинки, отдирали примерзшие к ногам портянки, грели их на неярком солнце, выжимали. Руки удавалось погреть телыми после стрельбы стволом автомата.

Каждый день мы атаковали — пытались прорвать оборону, но нас встречал такой губительный огонь, что все эти попытки были безуспешными. Артиллерия наша помогала нам очень слабо — пошел перед нами десяток снарядов и замолкнет, а мы — вперед. До пятнадцатого апреля потерял я трех ребят из своего отделения — двух убило, одного ранило тяжело. Полю моей шинели — в мелких дырочках от осколков.

16 апреля ранним утром вышли мы из густого леса на болотистую, поросшую чахлым соснячком, низинку и снова поползли по глубокому снегу в атаку. Ясно вижу, как опускаю с другого берега этой низинки зареялась огоньками автоматных выстрел-

дов, с левого фланга по диагонали застрочил пулемет, впереди и сзади начали взрываться маленькие ртутные мины. Попадая в деревья, пни, осколки срезали ветки, куски дерева. Все это сумым мелким дождем сыпало на голову, спину, ноги. Огонь прорывал нас к снегу — головы не поднять. Почувствовал вдруг, что на левую ногу упало сразу несколько уж очень тяжелых веток — даже удивился — такие тонкие и такие тяжелые... Минут через пять снова команда «вперед!» Только хотел двинуться — чувствую в левой ноге тепло и не разогнуть ее. Боли никакой — не разгибается нога и все тут! Не успел подумать, что это, наверное, ранение, как метрах в трех от меня поднялся почти в рост мой боец, азербайджанец Давуд Давудов и кричит во весь голос «Ой, командир, я убит!» Посмотрел, а у него на левом плече маскхалата четыре аккуратные дырочки, из них каплями — кровь. Подполз к нему, оттапливаясь от снега одной правой ногой, взял его за руку, ташу по снегу, а своей правой толкаю вперед оба наших автомата. В полутора метрах от нас, сбоку разорвалась на снегу мина, и тут-то я и увидел, как из тыльной стороны моей правой кисти тоненьким фонтанчиком ударила кровь, заливая автоматы и рукава маскхалата. Так, в одном бою был я дважды ранен осколками. Оба — раза легко, кости не задело. Это — единственные ранения за всю войну. Мне просто повезло.

Дотащил я его кое-как до воронки, где расположились наши санитары, нас наскоро перевязали и в тыл. Левая нога-то неподвижна. Автомат на шею, выломал палку, оперся и побрел в санитарную бригаду, оттуда — в медсанроту бригады, оттуда — в медсанроту бригады, оттуда — в госпиталь. Ох! Запомнилась мне эта дорога на заполненном до отказа ранеными грузовике по дороге, устланной попереки движения толстыми бревнами. И каждое бревно отдавалось болью в раненой ноге. А каково было «тяжелым»? Их в машине было человек десять. Двух так и не довезли до Александровщины, где был наш армейский госпиталь.

Раны мои зажили быстро, осколки так и не вытащили — до сих пор таскаю их в своем теле. Через три недели в часть. А левая нога так и не разгибается. И еще (был у меня наверно, шок или легкая контузия) несколько дней после ранения каждый шаг — скрип двери, шорох шин по песку казались мне звуком мины на излете, перед ее взрывом. Врач уверил, что нога

(Окончание на 2-й стр.)

СОРОКОВЫЕ, РОКОВЫЕ ...

придет в норму. Так месяц что-то уже в своем родном батальоне ходил я, хромая на все рабьи, смотри, построения, пока на одном смотрю не заметил это ни комбат, замечательной души человек, майор Хохлушин. Подошел, спрашивает — «Что, морячок, хромаешь?» «Да, вот, товарищ майор, нога после ранения не разгибается». Он — врачу батальона: «Проверь, что с ногой!» Меня в санчасть, измерили температуру. 38,9, зубы шатаются, десны кровоточат, что пошнел, джигез — цинга. В тот же день отпустили меня вновь уже в далекий госпиталь Волковского фронта на станции Бабасово, Северная дорога. Провалился там без малюток два месяца, пока не выбавился от цинги и снова — в свой батальон, в свой взвод.

В госпитале услышал я передачу по радио «Письма с фронта». Вспомнил об этих передачах уже в 43-м, когда стало особенно мучительно от того, что не знал ничего в судьбе своих родителей, друзей. Ведь горюл мой — под врагом. Написал без особой надежды в Москву, в радиокомитет. И вот в один сумрачный осенний день, но для меня самый прекрасный день, получаю я сразу три письма! От трех женщин. Два — от землячек моих родителей. В одном письме мне сообщают адрес матери в Казахстане, в другом адрес отца — в Узбекистане. Написал им, сообщил каждому адрес другого — так, с фронта снова соединил моих родителей. Она до моих писем не знала о судьбе друг друга. Не пришлось их мне больше увидеть, мать умерла в 43-м, отец — в 45-м. Третье письмо от труженицы тыла, ткачихи из Павлова Посада Любы Самсоновой с предложением о переписке. Тогда это было приятно — завязывать заочные знакомства по почте с фронтовиками, (штукали: «Ты сегодня получил три письма от заочниц, а я ни одного...»). Переписка эта, впрочем, скоро заглохла сама собой — Люба очень настойчиво просила прислать фото, а на передовой фотографье не было...

...Июнь 1944. Дважды форсировали мы Свирь после прорыва обороны под Лодейным Подем. В первый раз сразу после артподготовки на фланге главного прорыва. Помню, как шли мы буквально перепаханной «Катюшами» и артиллерийской линией обороны — все крутом черно, гарь, огонь, удушливый дым и трупы, трупы, трупы — в окопах, разрушенных дотах, дзотах, блиндажах, землянках. Враг отступал так быстро, что наша бригада на сей раз догнать его не могла. Через несколько дней нас срочно вернули на левый берег и после очень скорого, изнурительного марша — по сорок, пятьдесят километров в день, снова форсировали реку — на плотках, воротах, дверях, толстых досках под вьюлым, несильным огнем заслона. Запомнилось — спускались мы к реке и шли через болото по одной узкой тропе, — весь батальон — кругом заминировано, в створону ступить ни-ни, строгий приказ. Прошел уже почти весь батальон и вдруг зади, метрах в ста на той же тропе сильный взрыв. Под подкожной лошади, что везла нам обед, взорвалась противотанковая мина. Разметало кровавыми лохмотьями кругом по кустам, деревьям и повара, и лошадь...

Из тех горячих дней лета 44-го остался в памяти еще внезапный арналет на штаб батальона, на лесном холме, поросшем корабельными соснами. Только успели отбрыгнуть для штаба и для себя простенькие укрытия... Через несколько минут веселый зеленый холм превратился в закопченное кладбище сломанных, почерневших горящих деревьев. Загорелся сухой мох. Ясно вижу, как двум разведчикам, лежащим в неглубоком окопчике в нескольких шагах от меня, одним осколком снесло по полчерепа, а моему бойцу Чернышову перебило ногу вершиной сосны, оторванной снарядом. До санитаров не успели его донести — умер от потери крови.

Несколько дней было так — атакуем мы и понемногу движемся вперед, ночами враг контратакует. Комбат посылает нас — свой резерв помочь роте, на которую уж очень наседадут. Выдвигаемся вперед перед стрелками и длинными очередями из автоматов по окопам выстрелов, по движению, шуму — ведь ночь все-таки, не видать ничего. В одной из таких вылазок меня так олузило по каске, что захвезло в голову. Утром, когда

рассветало — вижу — в каске, как раз посередине лба вмятина от отряхнувшейся пули...

Однажды утром посылает меня командир взвода лейтенант Садиков за завтраком и подбой для взвода. Доверял он мне эту операцию часто, зная мое сравнительное равнодушие к спартанскому, уверенный, что не «сробию» ни капли. Ругаюсь — очередь не моя, должен идти Рябов, командир первого отделения. А Рябов с отделением только вернулся — охранял связистов, ремонтировал вагонную линию связи. Взял с собой Сахарчука и Реуга и пошел. Ити до кухни с километром... Только дошли — слышим, в нашем расположении разорвалось несколько снарядов. Когда вернулись — смотрю — вместо моего окна — воронка. Жалко было вешешка — в нем письма были, фотографии и три пачки махорки...

В те же дни вышли на нас партизаны. Идем цепью по лесу, слышим команду: «Не стрелять!», а на нас, тоже цепью с оружием наизготовку люди в гражданском. Объятия, слезы, радость, поцелуи и распросы без конца, кто, откуда, рассказы. Об этом связно писать не могу. Это нужно видеть самому.

Много было еще дорог в Карельских лесах, бсев, преследований. Особо тяжело пришлось нам под станцией Лоймола. В начале сентября мы закончили там войну — Финляндия запросила мира. Через несколько дней опять очень быстрым маршем вернулись мы на станцию Суоярви, которую сами же и освобождали, погрузили нас тоже очень быстро в эшелоны и в дорогу! Надеялись мы, что на юг, в теплые края. А нет, повернул наш эшелон по Мурманской дороге на север, в Заполярье, на самый правый фланг всей войны, в тундру и леса чахлые, низкие северной Финляндии и Норвегии. И протопал я уже по-пахотному, уже как горный стрелок по историческим местам: полуостров Рыбачий, «Долина смерти» у реки Западная Липа, горы Большой и Малый Кариквайвиш, Петсамо, Луостари, Никель, Киркенес. Самая мне дорогая награда — медаль «За оборону Советского Заполярья». И все в обход, по бездорожью, по тундре, по болотам, по горам. И все на себе, как и положено горным стрелкам, а пушечки горные тащили лошади на вьюках, и сколько раз приходилось помогать этим лошадкам... В октябре форсировали по горло в ледяной воде быстрою Паатсо-Йоки. Умница наш комбат — приказал всем раздеваться догола, все вещи на голову, оружие на шею. Речку перешли, оделись во все сухое, тело горит — хорошо! Хуже досталось соседям — им приказ был — форсировать реку в обмундировании — вымокли ребята, а обсушиться нетде.

И в Луостри, и в Никель ворвались мы первыми, так неожиданно для горных егерей генерала Дитла, что на аэродром сел уже немецкий самолет. Летчик — в плен, самолет — в трофей! С трофеями в Луостри нам повезло — мы захватили корпус и ныне продовольственные склады, пока бригадные начальство разбиралось, что к чему и выдвигало охрану, успели мы перепробовать вня и коньяк в поч и вех европейских марок; и ил икне сардины, и датские сыры, и немецкие консервы, и французские после ишей ирландийской махры заморские сыры, и ретель... Не судите нас за восторого — более двух недель восторожных минеаров на сопках, болотам, без горячей пищи наедались мы карадно...

Поселок Никель — весь в бору, дома и рудники взорваны, железная дорога разрушена. Захватили Никель, двинулись мы на Киркенес. Взял его морской десант и наши соседи, а мы начали преследование отступавших немцев на юг Северной Норвегии. Дорога там одна — чтобы задержать нас, немцы минировали ее во многих местах, взрывали на ней 250 и 500 килограммов фугаски. Норвежцы встречали нас очень тепло, дружелюбно, помогали, как могли. Помню — молодая норвежка, увидев наше передовое охранение на дороге, подошла к командиру взвода и что-то с жаром стала ему говорить. Никто ее не понимает. С моим, весьма скромным запасом немецких слов разобрались — она показала нам обширное минное поле и объ-

яснила значение знаков на этом поле. Разминировать было некогда. Но по указаниям сделала проходки — и вперед! Помню, как помыслил нам норвежцы при переправе через речку, где был взорван мост. Натянули через нее трос, дали нам лодочки, плотники, и мы по тросу быстро ее перешли.

И еще одна незабываемая встреча. В нескольких километрах южнее Киркенеса в солнечный день увидели мы у дороги большой транспорт из фанеры: «Русские солдаты, не стреляйте, рядом концентрационный лагерь». И выжили нам на встречу люди, с детьми от 5 до 15 лет, пожилые, бедные, ноги «Интернационала», «Катюшу», и еще какие-то песни — русские, французские, польские, норвежские, немецкие. Объятия, слезы радости, распросы. С чем делится этот неплановый для нас привал.

Снова на юг! Бой были тяжелыми, жестокими. Наша рота (первая) далеко от нас вперед перерезала немцам дорогу, мы давили на них с севера. Не удалось первой роте продержаться до нашего прихода, почти вся погибла — немцы отгеснили ее в большую яму у дороги и почти всю уничтожили. Но раз в пять больше немецких трупов увидели мы вокруг этой ямы. Жестоко дрались ребята!

В самый разгар этого непрерывного похода-боя комбат приказывает мне отправиться в штаб бригады офицером связи батальона вместо только что тяжело раненого прежнего офицера связи. С тех пор и началась моя работа в этой беспокойной должности.

Прежде чем продолжить свой рассказ, хочу выполнить свой долг перед моими боевыми друзьями из взвода автоматчиков. Вряд ли еще кому-нибудь и где-нибудь представится возможность назвать их фамилии: командиры взвода Гупало, Афиногенов, Садиков; командиры отделений и помком взвода Закомолдин, Рябов, Соловьев; бойцы моего отделения — Мельников, Реуг, Чернышов, Трофимов, Домнин, Лесин, Давудов, Сахарчук, Пучкин, Головкин, Козлов, Дука, Мурашов, Мещеряков... Где вы сейчас, друзья однополчане?... Комбат Хохлушин, нач. штаба Лопатин, парторг Пискунов, разведчик Коновалов?...

Офицер связи — днем и ночью, в любую погоду, под любым огнем, по бездорожью, по горам и по болотам, один или с охранением снуешь между штабом бригады и батальоном, доставляя приказы, донесения, документы, и в основном те, что нельзя было доверить ни радио, ни телефону. А в походах и боях в Заполярье между штабом и батальоном до десятка километров иногда. И еще большая ответственность. Иногда так выматывался, что казалось — лягу вот в болоте и не встану больше. Довелось иногда перед носом у противника проскисаться, слышишь и гул мотаров на дороге, и говор близкого себя. Попадал и под артстрелы и под бомбежки — все было. Но как-то прокляло, не задело ни разу. За то, что привел в батальон по-прежнему (человек двести и вместе с ними участвовал в боях), наградили меня орденом.

В ноябре сорок четвертого с немцами в Заполярье было покончено. После недолгого отдыха и пополнения в городе Грязовец наша бригада в феврале сорок пятого вошла в состав 38-й, а затем и 1-й гвардейской Армии Четвертого Украинского фронта.

В районе польско-чешской границы мы непрерывно наступали. Вот это было наступление! В оперативном отделе штаба, кому и подчинены были офицеры связи, я мог охватить более широкий круг событий, масштаб боев. И устно, и по карте, ибо каждый день должен был назубок знать дислокации штаба и батальона. Бригада была удачной, наступала всегда в первом эшелоне на главных направлениях армии. Нам придавалось по 200—250 орудий-

ных стволов на каждый километр прорыва, дивизионы РС (Катюши), танковый батальон или полк (вот тогда я наездился на броне Т-34) полк авиационной поддержки. Перед такой силой немец пасовал. Да и он уже не мог выжить. Пленных брали во множестве и среди них — мальчишки лет по 15—17, старики по 50—60 лет. Среди них по внешнему виду различали тех, кто выжил под огнем наших «Катюш» — блуждающие дикие глаза, полумумасленные или полностью без расулка. Пришлось увидеть и как горят наши танки от фаустпатронов, попадая под огонь немецких шестиствольных минометов (мы их «Ванюшами» звали почему-то...).

Огрывались немцы отчаянно, свирепо, бой были кровопролитными. Помню мертвые цепи солдат, склоченных почти в упор пулеметами, разорванными снарядами человеческие тела, помню горящие чешские, чешские села, поджертвывая от страха, ютящихся по подвалам мирных жителей, детей с недетскими горестными глазами.

Народу на КП очень много — и наши, бригадные, и представители придрачных частей — танкисты, летчики, артиллеристы и все со своими ранениями. Слышали часто, как переговариваются открытым текстом между собой летчики в небе: и наши, и немецкие. Послушать фронтую рацию в ходе наступления — очень сильное впечатление. Для нас, офицеров связи путь в своей части — короткий, иногда сотня метров. Но что это были за метры! Идешь в сплошной огонь, дым, под близкими разрывами снарядов. Везло мне.

В середине марта решил идти в наступление с нашим батальоном — начальник политотдела бригады — полковник. Взял он с собой охрану — пистолет автоматчиков и меня — показать дорогу. Пасмурно, светает, недалеко грохочет артиллерия. Пошли. На одном хуторе с чердака обстрелял нас фашист недобитый, одного автоматчика ранил в руку. Мы обозлились, ведь это уже наш тыл! Длинными очередями из всех автоматов по чердаку и в дом! На чердаке видим: пожилой, очень худой и весь какой-то зеленый у окна агонизирует немец. Видимо при обстреле им его смертельно ранили. В подвале нашли хозяев этого хутора — старого поляка, мать с тремя детьми. Их не тронули. Пошли дальше. Метрах в 60—75 впереди от нас разорвался снаряд, полковник упал, больше никого не задело. На виске у него маленькая ранка, мертв. Отнесли обратно в штаб...

Вы уже, наверно, заметили, что в моем рассказе чувствуется разное отношение к переднему краю года 42-го и передовой 45-го. Да! Если в 42-м шли мы в бой с тяжелым сердцем, веря, но не видя ее близко — нашу победу, то в 44-м и 45-м чувствовали подъем, ощущали на себе силу нашу великую, чувствовали радость близкой победы, ее дыхание: вот еще немного, еще чуть-чуть и она придет, придет! Только дожить бы до нее...

И хоть было неизмеримо трудно, тяжело, преодолевать эту тяжесть было веселей и радостней — близка, близка победа...

Об этом просто обязан написать. В феврале 45-го, когда мы еще только двигались к передовой, майор Грицай,

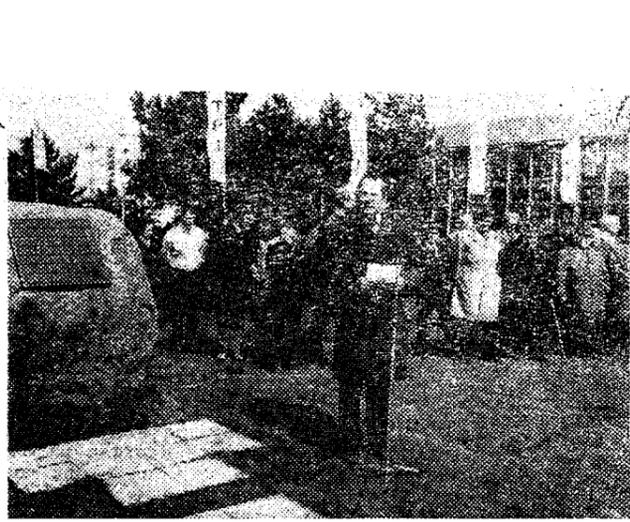
лихой казак-кавалерист, начальник оперативного отдела приказал: «Бери повозку, поезжай в Аушвиц или как его еще там. Это недалеко, километров с десять. Раздобудь бумаги, там, говорят заводы химические большие, а бумаги сам знаешь, у нас мало». И показал на карте, куда ехать. А был это Аушвиц по немецки. Освенцим по-польски. И заводы фирмы ИГ Фарбен-индустри. Бумагу достал, возвращаюсь с полным возом, а встречные славяне-солдаты в один голос: «Поезжай, посмотри, тут недалеко концентрационный лагерь». И попал я в печально известный лагерь смерти. Сейчас там музей. А тогда музея не было, а была недавно освобожденная территория и узники этого лагеря. Все увидел — и газовую камеру недалеко от ворот лагеря, и взорванные печи крематория, слой пепла, человеческого пепла у этих взорванных печей, в нем обгоревшие человеческие кости — детские лопаточки, пальчики, зубки... кости взрослых. Видел горы подушек и обуви на железнодорожной платформе лагеря, неуправленные в Германию тюки с человеческими волосами и волосы, еще не упакованные в тюки... Все увидел. В книгах об этом написано. Но это надо видеть самому, самому слушать рассказы уцелевших узников — мужчин весом в 45—35 килограмм, женщины весом в 30 и меньше килограмм; увидеть их глаза, чтобы возненавидеть фашизм, как ненавижу его я. Выродками считаю и тех, по чьей вине жив еще Менгеле — врач Освенцима и другие фашисты. Поезжайте в Освенцим, смотрите, поймете, почему фашизм нужно ненавидеть!

...Мне кажется, что я еще в бою, И он гремит вокруг, не умолкая, Когда фашизма облик узнаю. Оскал звериной злобы замечаю. Пока на небе тень «Энолы Гей» Парит зловец, миру угрожая. Я с опаленной юностью моей И старым автоматом не прощаюсь. И в сонне сверстников моих Те девятно семь**, что не вернулись с боя В дозорах ходят боевых На страже мира и покоя! БЕРЕГИТЕ МИР, ЛЮДИ! В. Межбурд

доцент кафедры основ электротехники.

* «Энола Гей» — американский самолет, с которого была сброшена атомная бомба на Хиросиму.
** Из статистики — из ста фронтовиков рождения 1923 года девятно семь погибли.

В ЧЕСТЬ ПОБЕДЫ

Секретарь парткома ТПИ А. Тальте открывает митинг в честь 40-летия Победы. Фото Х. Путьк.

КАК ДЕЛА, ПЯТИКУРСНИКИ?

ФАКУЛЬТЕТ АВТОМАТИКИ

Арво Руустал — студент-дипломник факультета автоматики — недавно вернулся из Венгрии. Там, в Будапештском техническом университете он собирал материалы для своей дипломной работы.

Надеюсь, — рассказывает он, — что работа будет иметь важное практическое значение при освоении студентами новейших марок ЭВМ.

Венгерского языка Арво не знал, поэтому на первых порах общался с коллегами на английском и немецком, но к концу стажировки уже мог объясняться и на венгерском. Арво интересовала система обучения в венгерских вузах. С удивлением узнал он, что двойка считается удовлетворительной оценкой, и студенту следует опасаться лишь единицы. Обучение в вузе трех видов: окончивший три курса получает профессию, проучившийся пять лет становится дипломированным специалистом, а семилетнее обучение дает углубленное знание специальности. Свободного времени было не так много, но на всю жизнь запомнились Арво широкие будапештские магистрали, тихие улочки, красавец Дунай с его прославленными мостами, маленькие уютные провинциальные города и знаменитое озеро Балатон.

В студенческом общежитии в Венгрии, где жил Арво, жизнь была интересной: вечера отдыха, музыкальные вечера. В свою очередь венгерские студенты интересовались жизнью советского студента. Много новых друзей появилось у Арво в Венгрии. Есть у него друзья и в Чехословакии, где Арво был на практике после третьего курса. И еще много-много друзей, с которыми вместе работал в стройотрядах.

У пятикурсника главная задача — подготовка к защите диплома. Но как только выдается свободная минута, берет Арво ракетки, мячик и с увлечением играет в настольный теннис. Играет умело, уверенно — так же, как и учится.

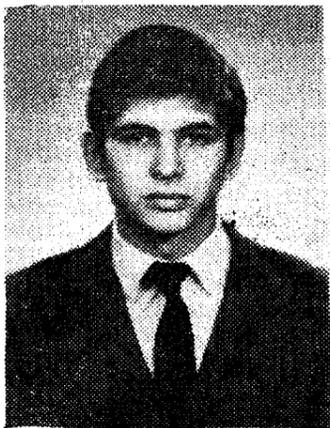
Ирина Никифорова
ЛН-47

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Говорят, что по нашим идеалам можно судить о нас самих. Наверно, это в какой-то мере верно, ведь любому человеку свойственно подсознательное, а порой и вполне осмысленное стремление соответствовать этому идеалу. Редко бывает, когда им оказывается реальный человек. А уж такая колоритная фигура, как Сократ, может нам о многом поведать. Великий мыслитель и логик, остроумный и интересный собеседник, прекрасный спортсмен, выдающийся воин, непревзойденный учитель, он еще обладал высочайшими моральными качествами. В его понимании не могло быть противоречия между разумом и поведением. Недаром один из основных тезисов

Сократа гласил, что добродетель есть знание или мудрость, что знающий доброе обязательно и поступает подобно, а поступающий подобно или не знает, что такое добро, или творит зло в целях конечного торжества добра.

Именно о Сократе и началась наша беседа с Дмитрием Березовским — выпускником экономического факультета. И не только потому, что именно о нем рассказывал Дима в своем выступлении в философском клубе (да и рассказывал, пожалуй, потому, что фигура Сократа привлекает его как личность). Даже сейчас, когда времени у всех дипломников очень мало, трудно куда-либо выбраться, клуб продолжает занимать значительное место в его жизни. Как говорит Дима, там можно перекантоваться, справиться с дипломными хлопотами, заняться «гимнастикой ума», ну и, конечно, самое главное — общение с умными интересными собеседниками.

Надо сказать, что и сам Дима замечательный рассказчик. Жена его не перестает удивляться диминой памятью, когда он с увлечением рассказывает об истории России, помня не только точные даты событий, но и всех князей, их жен по именам. А сама поразила этому феномену, когда он приводил как доводы на память длинные цитаты из произведений Маркса и Энгельса.

А такая большая любовь к истории началась еще с первого класса. К восьмому он уже прочел все более или менее значительные произведения по истории Руси, Древней Греции, Средней Азии. И теперь, несмотря на учебу на экономическом факультете, он не теряет интереса к исторической литературе. Читает много. Когда же успеваешь? А использует любую свободную минуту. У него всегда в сумке книга, а порой и не одна.

Казаюсь, такое серьезное увлечение, а не мешает ли это учебе? Оказывается, нет. И даже наоборот. Умение вдумчиво работать над книгой помогает основательно разобраться в любой проблеме. На СЭТК в Таллине его доклад по теме диплома занял первое место. А тема такая: «Эффективность развития сборочного производства приборостроительного предприятия». Чем она привлекла?

— Монтажно-сборочные и регулировочные процессы самые трудоемкие и дорогостоящие. Это объясняется преобладанием ручного труда. Поэтому одной из задач является автоматизация и механизация сборочного процесса на основе ГАП и применения робототехнологических комплексов. В дипломе рассматриваются пути совершенствования организации сборочного производства. Показывается целесообразность объединения сборочно-монтажного и регулировочного цехов. В качестве примера усовершенствования организации взят опыт зарубежных фирм и, в частности, финской фирмы цветных телевизоров «Салора».

— Дима, расскажи, как у тебя начиналась работа над дипломом?

— Почти два месяца копался в литературе. Проработал около сорока книг и бесчисленное количество журналов. Зато теперь стал разбираться в радиотехнике, хотя еще полгода назад ничего о ней не знал, просто не интересовало.

Во многом мне помог руководитель Александр Дмитриевич Козальчук.

И Дима очень просто и доступно объяснил мне суть проблемы, сопровождая рассказ эскизами в моем репортерском блокноте. А мне в этот момент пришло на ум высказывание Шопенгауэра: «Кто ясно мыслит — ясно излагает».

Ну что ж, пожелаем Диме такой же остроты и ясности мысли, успешной защиты диплома и исполнения всех замыслов.

Елена Иванова.
ММ-107

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Скажите пожалуйста, где можно застать человека, у которого через месяц защита диплома? Разумеется, у кульмана: конечно же, в читальном зале библиотеки, вне всякого сомнения, за экраном дисплея. Так же думал и я, но беседа наша состоялась — где бы вы думали? — на пляже в Пиризе. Нет, Всеволод Барinov, выпускник специальности «электропривод и автоматизация промышленных установок» вовсе не моряк. Мы не загорали и не купались, а как сказал Сева, «сняли стресс» под лучами восхитительного заходящего солнца. До пляжа, конечно, было все — и кульман, и библиотека, и дисплей.

— Сева, если поспрашивать первокурсников, кто такой Всеволод Барinov, как ты думаешь, что они ответят?

— Боюсь, что они вообще ничего не ответят.

— А если уточнить, что это тот самый, который с фотоаппаратом в замке Глена на посвящении в студенты?

— Не надо... Сева краснеет. — Фотографии еще не готовы...

— Фотографии — великая вещь. Вот стройотряд, первый курс, Кубань, «трудовой десант» группы АА (тогда еще 47); вот день рождения группы — улыбки, гитара, песни. В девятом корпусе висит целый стенд — практика в Варнауле, четвертый курс. Ага, вот и фотографии с экзаменов.

— Что же все-таки было главным — учеба или досуг? — Сева поморщился:

— По-моему, так вообще нельзя ставить вопрос, ведь учеба — это не самоцель. Для чего, например, существует электропривод и автоматизация? Наверное, не для того, чтобы просто приводить и автоматизировать, а для облегчения жизни людям. Так же и с учебой — она хорошо пойдет, если подходить к ней с хорошим настроением. А что нам улучшает настроение? Как правило, то, что происходит во время досуга.

— И все-таки твои фотографии украшают стенд отличников факультета, так что, хочешь — не хочешь, но ты — один из примеров для подражания именно в учебе. Как же ты учился? (Сева улыбается и машет рукой).

— Да, на первом курсе нам как-то говорили, что учиться надо регулярно, ежедневно, чтобы не было пробела в знаниях. Но, честно говоря, я так не учился, у меня просто не получалось. Учился как все — когда уже очень нужно учиться, то есть когда в воздухе запахнет сессия. Правда, у меня была система подготовки — уяснить основные понятия предмета и от них «танцевать» на экзамене. Но это не мое изобретение — нас еще на младших курсах учил этому наш преподаватель математики.

— Пять курсов, три практики... Ты доволен выбранной специальностью?

— Трудно ответить, — Сева пожимает плечами. — Может быть, если бы я поступал в вуз сейчас, то выбрал бы гуманитарную специальность. Во всяком случае, особенного влечения к технике я у себя что-то не заметил...

— Как?! — не выдерживает сидящий рядом староста нашей группы Юра Шергалин. — Это у тебя нет склонности к технике? — А у кого же она тогда есть? Ведь ты-то как раз и знаешь технику.

— Так это разные вещи. Можно не любить профессию, но знать ее. Хотя, если ты овладел знаниями и можешь их применять на практике, это тебя всегда радует. Но ты согласишься, что в этом случае человек получает удовлетворение от себя самого, а не от своей профессии?

Позволю себе небольшое отступление, потому что в этот момент разговор мне вспомнилась одна лабораторная работа, которую мы делали вместе больше шести часов с продолжением на следующий день. Надо было видеть упорство и выдержку Севы. Казаюсь, это человек без нервов. Есть такая почетная категория «грызунов науки», которые таранят ее гранит до тех пор, пока не пробьют его. Ему удается одолевая «гранит науки» без разрушений.

Старинная легенда рассказывает, как к мудрецу обратился человек: «Мудрейший, я хочу задать тебе вопрос, который может показаться глупым»: «Задавай, — ответил мудрец. — Но ты рискуешь получить ответ, который может показаться глупым».

— Сева, если бы ты сейчас мог изменить что-нибудь в своей студенческой жизни, что бы ты изменил?

Сева снова улыбается: — Вот если бы занимался поцаче в главном корпусе... Когда туда попадаешь, особенно весной, в полдень, — там же такой праздник жизни, просто душа радуется!

— Последний и самый торжественный вопрос. Что бы ты пожелал нынешним первокурсникам?

— Счастливой службы в армии. А вот девушкам (опять улыбка, самая широкая из всех)... Ну конечно, пожелал бы хорошей дружбы жизни, хотя бы такой, какая была у нас в группе. Дас много хвалили, нам удивлялись. Со стороны, наверно, все кажется более гладким и удачным, но были и у нас свои проблемы. И все-таки нам много есть что вспомнить вместе. Мы были активными, не смотря на то, что нас никто никогда не поощрял за это. Так что первокурсникам я бы пожелал побольше активности и оптимизма, а то слышишь: «Вот так скучно мы живем — каждый сам по себе».

Но, милые мои, кто же виноват, что скучно? Вы-то сами на что?

Солнце уже садилось, когда Сева достал свой знаменитый фотоаппарат и мы снялись с ним у сосен. А потом он вдруг сказал:

— Я где-то читал, что человек живет всегда в одном возрасте. Один и в двадцать лет старик, а другой и в старости — как в двадцать.

— А ты? — я не удержался от вопроса.

— А как тебе кажется?

— Я ничего не ответил, но мне кажется, что Сева еще долго будет молодым. Таким, как на этом снимке, где ему восемнадцать лет.

Вадим Вейцман.

СТРОИТЕЛЬНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

Ко второму курсу мы начинаем узнавать свою группу. К третьему — понимать. К пятому — мы уже знакомы со всем факультетом. И еще пары лет не хватает, чтобы каждый каждого на курсе начинал понимать. Конечно, это все усредненно. Но есть люди, которых начинаю замечать и любить уже с первых дней учебы.

— Зина, хочу о тебе написать, — сказал я, открывая

дверь ее квартиры. Было 9 мая и в комнатах было шумно, празднично.

— Обо мне? Ой Вова, может не надо? Ну что обо мне можно написать?

Кажется, редко кого оставляет равнодушной просьбой с которой я пришел в гости. И, кажется, это не лучший способ вызвать человека на откровенность. Но разговор завязался, тем более, что знакомы мы с ней уже шесть лет.

Думаю, согласится со мной дипломники, если скажу, что нет более известного человека

на пятом курсе строительного факультета, чем Зина Крайнова. Не громкие победы, не блестящая учеба принесли ей эту известность. Да и вряд ли только этим заслуживается уважение. Есть характер. Характер — небезразличный, искривленный, неунывающий. Хотя о себе она говорит, что хуже ее характера нет. Можно улыбнуться и посчитать эти слова за шутку. Тот, кто знает ее долго, скажет, что это не так. Однако добавят, что редко встречаются люди, столь противоречивые. В этом ее прелесть для нас, друзей (как, впрочем, и лишние хлопоты для ее родных и близких).

Есть обязанности, нужные и важные, которые способны что-то изменить в группе, сделать для группы. Зина не была ни старостой, ни комсоргом. Однако то, что она исполняла оказывалось зачастую нужнее и действеннее то-

го, что делали и староста и комсорг. С первого курса, сама предложив это, она покупала цветы, подарки именинникам, поздравляла с новосельем, с рождением ребенка. Сбирала деньги, отправляла посылки в армию бывшим сокурсникам, письмами поддерживала их. Так было все пять лет. Многие ли способны это делать бескорыстно, без подсказки? Я спросил ее, почему она взяла на себя эти дела? Ожидал услышать что-то необычное. Но все оказалось по-обыденному просто, и, пожалуй, правильно:

— Нравится мне это. Приятно делать кому-то хорошо.

Не просто Зина пришла к диплому. Не один год перед институтом она проработала на швейном предприятии, на хлебозаводе, память о котором навсегда останется шрамом на ее руке. Студенткой стала, закончив подготовительное отделение института. Спросил, почему выбрала именно строительный факультет?

— Сразу не скажешь... В строительстве виден результат твоего труда. Работа живая, не даст скучать. Хочу строить так, чтобы в этих домах нравилось людям жить. Работать хочу именно на площадке.

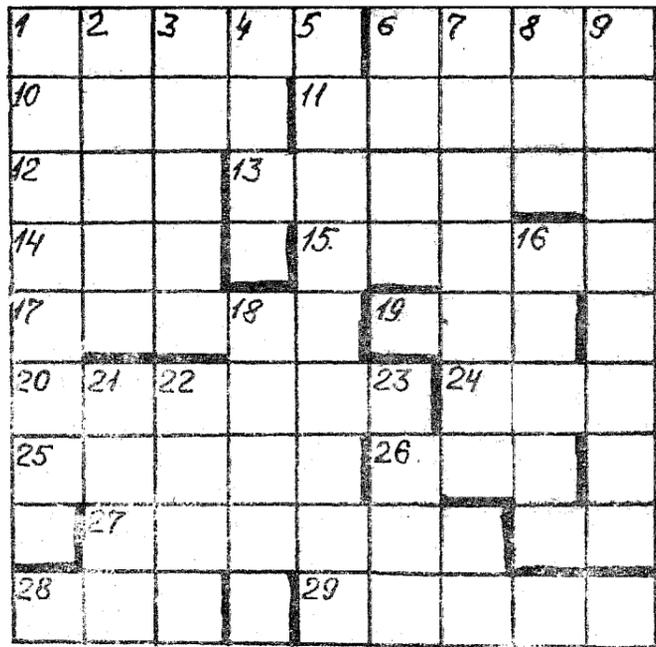
— Не боишься работать?

— Сначала не боялась. Но чем больше узнавала, тем больше появлялось сомнений. К концу института начинаю понимать, как много я не знаю. Но думаю, с практикой появятся знания, пройдет и робость.

Добавлю, что до сих пор ей пишут, раздаются звонки из Киева, где она проходила последнюю практику, приглашая работать, просто приехать в гости.

Вот и подошел к концу наш разговор. Мы простились, за мною закрылась дверь. На ее столе остались лежать в ожидании карандаша листы ватмана к полузаконченному диплому. А впереди у Зины еще стройотряд в Тюмени. Это и отдых, и работа, с которой уже связана жизнь.

Владимир Поляков
ЕЕ-107

Кроссворд

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Искусство росписи тканей. 6. Перекрытие проема в стене или пространства между опорами. 10. Счетная доска в Древней Греции (аналог наших счетов). 11. Экваториальное созвездие. 12. Плебей. 13. Государство в Африке. 14. Приток Волги. 15. Численность наиболее известной разбойничьей банды. 17. Объемные изображения проектируемого сооружения в уменьшенном масштабе. 19. Один из видов общенародной коллективной фантазии. 20. Сатирический журнал. 24. Одна из основных характеристик цвета. 25. Спутник планеты Сатурн. 26. Состояние вещества. 27. Соцветие растений. 28. Грохот, шум, вой. 29. Ядро какой-либо организации.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Прибор для измерения давления. 2. Многолетнее тропическое растение (манильская пенька). 3. Растение семейства пасленовых. 4. Герой древнегреческой мифологии. 5. Постоянный, неизменный. 6. Группа электронной музыки. 7. Пасадобль 30-х годов. 8. Деревянная опора саженцев. 9. Змея семейства удавов. 16. Вид гравюры на металле. 18. Приток Самвала. 21. Одежда духовного лица. 22. Микрочастица. 23. Составная часть фарша для венгерских колбасок.

Составили Елена Иванова, ММ-107
Андрей Иванов, 15 ср. школа.

(Продолжение).

Упоминание о первом «сыне неба» Фу Си встречается в текстах, рассказывающих о четвертом тысячелетии до нашей эры. Этот не совсем обычный период истории обращает на себя внимание, в частности, тем, что в описывающих его текстах появляется довольно четко прослеживаемый технологический аспект. Одним из наиболее впечатляющих технических чудес, о которых говорится в рукописях, были появившиеся сначала в горах, а затем заполнившие и долины загадочные «повозки-сосуды». Сверхкачественный металл, они могли передвигаться «сами по себе».

Из описания этого устройства можно предположить, что оно имело форму сосуда или капсулы, что ничто видимое им не управляло, но, двигаясь, повозка-сосуд обладала способностью либо в целом, либо в ходовой своей части свободно менять форму, применяясь к условиям местности. Иное прочтение этого апокрифа наводит на мысль об усложненной модификации гусеничного хода — «висают крючья» никто не гнет, не направляет, сами собой закручиваются изгибаясь; не оставляет ощущение, что речь идет о современном вездеходе.

Еще более странные персонажи, фигурирующие в источниках, — некие «Чи Ю и его братья». Из описаний следует, что они были подобны друг другу. В различных текстах указывается примерно одинаковое число «братьев» — около 80.

Большой интерес по мнению И. Лисевича, представляют описания Чи Ю и его братьев. Четыре глаза. Шесть рук (или манипуляторов?). Голова, казалась, сделанная из меди или сходного с ней металла. Железные лоб. Требуцы там, где положено быть

ушам.

Тексты сообщают, что Чи Ю мог, подобно «горной повозке», легко преодолевать сильно пересеченную местность и даже ненадолго взлетать в воздух.

Обобщая все это, трудно удержаться от соблазна предположить, что Чи Ю группой сложных автономных механизмов, похожих на многофункциональных роботов, — говорит Лисевич — чрезвычайно интересны и то, что, по легенде, они были переправлены сынами неба за «восемь пустот» или «восемь пределов» («бацзи»). В древнем сочинении точно указываются расстояния между этими «пределами», и по максимальному их значению «братья» были отправлены за 80 миллионов километров.

Рукописи, прочтенные Лисевичем, приписывают Фу Си странствия «за пределами Солнца и Луны». Особенно интересно, что он же оставил людям закодированные в двоичной системе символы тексты «Законо Дао» («Пути Вселенной»).

Способность героев легенд — «сынов неба» летать в небе Земли и в космосе с помощью всевозможных технических устройств упоминается в различных источниках. Одно из них, «атрихотра», согласно древнеиндийским текстам, «корабль, который поднимается в небо» и способен летать как в «солнечной области», так и в «звездной области». Вот одно из описаний летательного аппарата «вимана», извлеченное из санскритских источников. «Посредине корабля тяжелый металлический ящик является источником «силы». От этого ящика «сила» шла в две большие трубы, устроенные на корме и на носу корабля. Кроме то-

НАШИ ВЫПУСКНИКИ

Кафедра теплоэнергетики, начиная с 1970 года методически собирает данные о своих выпускниках. Одной формой этого мероприятия является проведение анкетного опроса на очередных слетах выпускников. Они проводятся традиционно через каждые пять лет.

Ниже приводим некоторые данные, характеризующие инженеров-теплоэнергетиков, выпускников ТПИ.

Для составления этого обзора использованы материалы, полученные во время прошлого слета в 1980 году. Было заполнено 275 анкет. Из них 237 мужчин и 38 женщин. К 1980 году общее количество выпускников 667, из них женщины 129, или 19 процентов.

Все заполняющие анкеты ответили, что специальность инженера-теплоэнергетика их полностью удовлетворяет и они довольны данной специальностью. Немногие (5 человек) приобрели после окончания института вторую специальность, необходимость которой была продиктована требованиями производства. Из воспитанников кафедры пятеро стали докторами наук, 43 защитили кандидатские диссертации.

Удовлетворенность своей работой показывают данные, приведенные на фиг. 1. Как видно, 55,5 процентов выпускников продолжают работать в тех же организациях, куда они были направлены после окончания института. 23 процента выпускников работали на двух предприятиях, 17,1 процент на трех и 4,4 процента на четырех. Данные не включают перемены или повышения по службе на данном предприятии. На фиг. 2. приведены данные

возрастного распределения специалистов, работающих на предприятиях народного хозяйства ЭССР. Как видно, 20,4 процента энергетиков имеет возраст 41—45 лет. Некоторый спад наблюдается в контингенте 36—40 лет, составляющих 12 процентов. Количество специалистов в возрасте 31—35 лет составляет 18,2 процента.

Распределение средней зарплаты приведено на фиг. 3. Средняя зарплата инженера теплоэнергетика составляет 216 руб. В 1970 году этот показатель был 181 руб. до 150 руб. имеют 7,8 процентов. Это в основном специалисты молодого поколения со стажем работы до 5 лет.

До 200 руб. 32,8 проц.
До 250 руб. 39,9 проц.
До 300 руб. 11,2 проц.
Свыше 300 руб. 7,5 проц.

Многие из выпускников занимают руководящие посты в энергетике. Это видно из таблицы 1

Семейное положение и жизненный уровень показывают следующие данные: из 275 заполняющих анкеты 235 семейных или 85 процента. Количество детей в семье: 1 — 90 чел. или 32,1 проц.
2 — 112 40,7 проц.

3 — 18 или 6,5 проц.
4 — 5 1,8 проц.

Среднее количество детей в семье теплоэнергетика 1,41. В 1970 году эта цифра была 1,31.

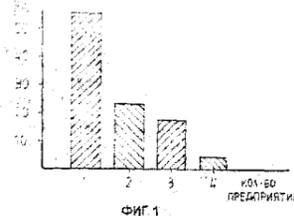
Личные автомобили имеют 14 выпускников (5,1 проц.), мотоциклы и мотороллеры — 11 (4 проц.), велосипеды 25 (9 проц.). Свой индивидуальный дом имеет каждый тринадцатый, летний домик — каждую — каждый десятый выпускник.

В анкетах было сделано множество предложений, касающихся улучшения подготовки специалистов теплоэнергетиков. Самые основные из них были:

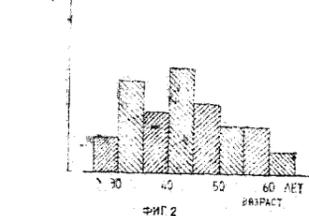
- 1) Сближение теоретического обучения с практикой.
- 2) Повышение требований к практическим занятиям.
- 3) Улучшение подготовки в области организации труда и управления производством.

Таблица 1

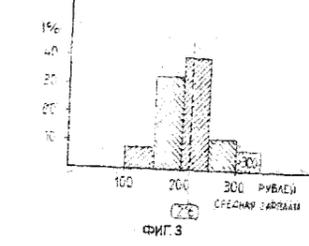
Занимаемая должность	количество специалистов
Директор предприятий	6
Главные инженеры	14
Главные энергетик или теплотехники	18
руководители отделов	33
Главные специалисты	9
Главные экономисты	1
Зав. инспекции	1

ФИГ. 1

ФИГ. 2

ФИГ. 3

СЛЕД, НЕПОДВЛАСТНЫЙ ВРЕМЕНИ

го, «сила» шла в восемь смотревших вниз труб, а верхние задвижки были закрыты. «Ток» с силой вырывался и ударял в землю, поднимая корабль вверх. Когда же он взлетал достаточно, смотревшие вниз трубы прикрывали до половины, чтобы можно было висеть в воздухе, не падая. Тогда большую часть «тока» направляли в кормовую трубу, чтобы он вылетал, толкая тем корабль вперед освобожденной силой.

Книга «Самарангана Сутруд-Хара» описывает десятки деталей и металлов, необходимых для постройки летающей машины, которая благодаря двигателям, работающим на ртути(?), развивает «силу грома» и мгновенно «превращается в жемчужину в небе».

Но странно, не правда ли: если когда-то посланцы иного мира посетили Землю, то почему бы им и теперь не дать о себе знать?

Многие ученые убеждены, что внеземные цивилизации делают это постоянно. Просто мы не так и не там ищем. Одна из наиболее необычных идей, высказанных в этой связи, — поиск «космического чуда». Сигнал внеземной цивилизации может иметь вид космического маяка, не рассчитанного на прием и обработку информации. Для того, чтобы он не затерялся среди множества небесных объектов, ему могут придать вид «космического чуда», то есть такого явления, вероятность случайного возникновения которого ничтожно мала. Например, достаточно сделать так, чтобы один из относительно редко встречающихся космических объектов оказался в необычайно близком соседстве с полюсом орбиты Земли (полюсом

эклиптики). Других столь же устойчивых связанных с Землей точек неба мы не знаем. Поэтому такой сигнал, утверждают сторонники этой версии, недвусмысленно покажет, что он адресован именно Земле.

Эффект разорвавшейся бомбы имело для сторонников этой идеи сообщение горьковского астронома доктора физико-математических наук Бориса Фесенко, что такое «чудо» есть.

Мы были потрясены, — говорит он, — убедившись, что почти точно в северном полюсе эклиптики расположено зеленое облачко с горячей звездой в центре. Это давно известная планетарная туманность NGC 6543. Вероятность случайного совпадения такого объекта с одним из полюсов эклиптики не превышает 0,0005.

Время жизни планетарных туманностей мало по космическим масштабам — несколько десятков тысяч лет. Учитывая и некоторые другие обстоятельства, можно предположить, что если NGC 6543 — сигнал, то он не просто адресован Земле, но и приурочен к началу технологической эры на нашей планете.

Расстояние до NGC 6543 — 1600—3000 световых лет. Значит, (если допустить возможность этого), задуман маяк был не менее трех с половиной тысяч лет назад теми, кто изучил Землю и предвидел наше развитие, — заключает Б. Фесенко.

Те ли это, чьи следы настойчиво ищут И. Лисевич и другие астроархеологи и к которым, по их предположениям, ведет теряющаяся в тысячелетиях нить знаний? Или лишь один из многих? ... Однако вернемся в Китай.

Кто же были поразившие воображение авторов «сыны неба»?

— Они прибыли на Землю с созвездия Сюаньюань, Туда же они и отбыли, успев многому научить людей. Так утверждают тексты, — говорит И. Лисевич.

Речь идет на сей раз о созвездии Льва, в направлении которого летит вся наша Солнечная система. И тут нельзя не сказать о связи между Сюаньюань — созвездием Льва и сенсационным радиоэхом, о котором упоминалось выше...

(Окончание следует).

1. Карапетян Р. О., Галева А. М. Опыт экологического воспитания в вузах. — М.: НИИВШ, НИИ пробл. высш. шк. Сер. «Коммунистическое воспит. в высш. сред. спец. школе». Вып. 2).
2. Катунская С. Ф., Шаблыгина Н. С. Проблемы упорядочения терминологии высшей школы. — М.: НИИВШ, 1985. — 48 с. (Обзор. информ. / НИИ пробл. высш. шк. Сер. «Науч. организация информ. работы в высш. и сред. спец. школе». Вып. 1).
3. Лебедев О. Т., Даркевич Г. Е. Проблемы теории подготовки специалистов в высшей школе. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1984. — 212 с. — Библиогр. с. 209—210.
4. Педагогика высшей школы. — Минск: Высшейшая школа, 1984, вып. 3, 112 с.
5. Путляева Л. В. Процессы формирования в обучении. — М.: 1985. — 48 с. — (Обзор. информ. / НИИВШ, 1985. — 40 с. — (Обзор. информ. / НИИ пробл. высш. школы. Сер. «Содерж., формы и методы обучения в высш. и сред. спец. школе». Вып. 1).
6. Система моделей и методов рационального планирования и организации учебного процесса в вузах. Воронеж: изд-во ВГУ, 1984. — 152 с. — Библиогр. с. 147—150.